

Л. А. Лелеков

К ИСТОЛКОВАНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ТАГИСКЕНЕ

В 1958—1961 гг. Хорезмской археологической экспедицией была обследована группа памятников эпохи поздней бронзы в Приаралье¹. Видное место в этой группе принадлежит могильникам Тагискена, монументальным сооружением с ярко выраженной центричной планировкой, столь типичной для погребальных памятников Средней Азии и всего Среднего Востока вплоть до конца средневековья. В процессе археологического исследования выяснилась одна весьма специфическая черта: в момент совершения обряда трупосожжения сжигали все здание мавзолея, сложенное из сырцового кирпича, для чего требовались специальные меры². Это свидетельствует о явно ритуальном характере такого искусственного пожара. В нем проявляется, на наш взгляд, слияние элементов культа огня и культа мертвых в более развитом виде, нежели это бывает при обычном трупосожжении. Естественно, что попытка интерпретации тагискенского погребального обряда представляется весьма заманчивой хотя бы в самом предварительном виде.

Тагискен находился как бы на стыке двух культур: андроновской в сочетании с центральноказахстанской и южной, в которой чувствуется влияние древневосточной цивилизации. Здесь знали гончарный круг, немало совершенства достигли различные ремесла³. Предметы материальной культуры, найденные в районе Тагискена, не оставляют сомнений в том, что они были созданы в обществе, духовная жизнь которого стояла на сравнительно высоком уровне. Тагискенцы находились, видимо, на одном уровне с родственными им ведическими и авестийскими племенами, создавшими такие сложные памятники, как Ригведа и Авеста. Поэтому вполне вероятно, что идеология тагискенцев близка ведической и тем более авестийской, если только не являлась последней в буквальном смысле слова. Для духовной культуры ведического и авестийского общества были свойственны космологические представления, главным стержнем которых являлись понятия огненного первопринципа вселенной и бессмертия индивидуальной души. Огонь по ведической традиции был источником бессмертия даже для богов, т. е. между двумя этими понятиями мыслилась связь этического порядка. Огонь выступал как миротворящее начало, как абстрактный принцип высшего духовного бытия, предсуществующего по отношению к действительному миру. К этому высшему бытию и приобщались души праведных. Из данной этической концепции, провозглашавшей связь индивидуальной души с мировым законом, вытекало широко распространенное понятие о загробной жизни как о царстве чистого вечного света⁴. Собственно говоря, весь обряд

¹ «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг.», ч. 1, М., 1963.

² Там же, стр. 41.

³ Там же, стр. 46, 47, 74.

⁴ А. О. Маковельский, Авеста, Баку, 1960, стр. 98.

трупосожжения индоевропейских народов покоится на этой основе, конечно, не так четко выраженной в общественном сознании и памятниках культуры.

Огненная индоевропейская космология получила особо детальную разработку в индоиранской духовной среде, где впервые наиболее последовательно была изложена идея о единстве космического и духовного начал мира и об историческом процессе как о процессе свершения судеб индивидуальных душ в зависимости от их отношения к высшему закону мира⁵. В качестве примера можно привести надписи Ахеменидов с пожеланиями праведным блаженства после смерти. Указанное понятие буквально передавалось оборотом «быть приобщенным к Арте», т. е. к высшему огненному началу вселенной⁶. Это древнеиранское воззрение, увековеченное в клинописных ахеменидских документах далекого прошлого, дожило до наших дней. В осетинских же верованиях загробная жизнь и поныне предстает царством вечного света. Покойников в Осетии принято напутствовать словами: «Будь предназначен для света»⁷.

Именно в Авесте была заключена проблема «индивидуальная душа и бог», проблема, определившая в последующем мирозозерцание средневековья⁸.

Помимо Индии, Ирана и Средней Азии, огненная космология, вышедшая из древнейшего индоевропейского солярного культа, была известна и в Греции.

Погребальный обряд в Тагискене определенно относится к традиционным заупокойным обрядам, существовавшим в раннеавестийское время, в которых очистительному огню отводилась особая роль в достижении посмертного блаженства. Возможной же причиной сожжения усыпальниц могла быть их космологическая символика.

В древности гробницы рассматривались как обиталища душ умерших, магические реплики иного мира. Эта же символическая подоснова проступает в планировке погребальных и культовых сооружений Среднего Востока, для которых в ряде случаев были обязательны вписанные друг в друга круг и квадрат, имеющие общий центр. Квадрат символизировал четыре стороны света, т. е. образ земного дольного мира, а круг служил символом солнца, неба, вечности, мира горнего. Уместно вспомнить также, что круг и квадрат выступали как два варианта древнеиндийского священного очага, обнажая тем свою причастность к культу огня⁹. Круг, вписанный в квадрат или, наоборот, содержащий в себе квадрат, рассматривался в качестве священной ритуальной диаграммы. В условной геометрической форме она представляла вселенную и бытие в обоих аспектах. Индийское название такой диаграммы — «мандала» или «янтра», наглядная изобразительная формула-заклинание. По таким диаграммам-заклинаниям строились индийские архитектурные реликварии — ступы. Мандала же лежит в основе планировки знаменитого Боробудура¹⁰.

Все тагискенские усыпальницы тоже построены по планам, явно совпадающим с теми или иными разновидностями диаграмм-мандал как образов вселенной. Самый древний тагискенский могильник IX в. до н. э. воспроизводил мандалу в наиболее классическом виде — круг, вписанный в квадрат. Много позже по этому плану будут построены парфянские и сасанидские храмы огня, а затем и восточнохристианские храмы.

⁵ H. E. Barnes, *An intellectual and cultural history of the Western World*, vol. I, N. Y., 1965, p. 89.

⁶ В. И. Абаев, Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и антидэвовская надпись Ксеркса, «Вестник древней истории», 1963, № 3, стр. 114.

⁷ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949, стр. 73.

⁸ J. D. C. Pargy, *The Zoroastrian doctrine of a future life*, N. Y., 1929, p. 9.

⁹ «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966, стр. 257.

¹⁰ «The Encyclopedia of World Art» (далее EWA), New York — Toronto — London, 1960, т. II, p. 684.

Мавзолеи Тагискена последующих времен теряют в плане внешний квадрат, но сохраняют круг, разделенный вписанным крестом. По таким же планам сооружались хорезмийские и сакские погребения второй половины I тысячелетия до н. э.¹¹

Остается только предположить, что весь погребальный обряд в Тагискене имитировал пожар вселенной как символ ее огненного обновления соответственно на микрокосмическом уровне¹². Это оборотная сторона авестийского представления о связи индивидуальной судьбы с мировым огненным началом. Огненное обновление души и микрокосмоса подразумевало истинное духовное рождение заново в параллель всеобщему духовному творению истинного мира.

Быть может, смутные отголоски тех же идей сквозят в древнеславянской погребальной обрядности, когда покойника предавали огню в особом сооружении — «домовине», самое название которого содержит понятие обиталища души, т. е. микрокосма.

Тема огненного обновления мира, связанная с истинным духовным творением, постоянно звучит в Авесте, где в числе прочего говорится и о сошествии огня в конце веков ради осуществления конечной цели бытия¹³. Она же своеобразно преломлена в ведическом обряде воздвижения алтарей Агни. Посредством микрокосмической имитации акта творения этот обряд символизировал единство вселенной¹⁴.

Применительно к усыпальницам Тагискена предложенная интерпретация могла бы иметь право на существование, поскольку она не противоречит идейной проблематике авестийской традиции, несомненно содержащей все рассмотренные представления в логической последовательности. Но являются ли подобные представления монополией лишь индоевропейских народов?

Вопрос этот возник после знакомства с орнаментом на керамических изделиях Тали-Бакуна А. Орнамент состоит из квадратов, в которые вписаны разделенные на четыре части круги. Квадраты обрамлены зубчатой каемкой¹⁵. Сходные по типу узоры встречаются на неолитической иранской керамике из Сузы. По структуре данные изображения всецело совпадают с ритуальными космологическими диаграммами, однако созданы они значительно раньше. Керамика подобного типа была найдена и в Триполье¹⁶.

Учитывая вышесказанное, можно предположить, правда, чисто гипотетически, что узор из Тали-Бакуна по смыслу есть не что иное, как мандала. Тогда и зубчатая каемка, вероятно, могла изображать мировой огонь.

Из данного положения, далеко не бесспорного, вытекают немаловажные следствия. В первую очередь встает вопрос о соотношении духовных культур насельников неолитического Ирана и арийских племен. В рамках господствующей теории относительно позднего появления индоиранцев на Среднем Востоке неизбежен вывод о развитых космологических представлениях доиндоевропейских обитателей Ирана. Разительное совпадение талибакунского узора с планировкой хорезмийских и сакских могильников трудно воспринять как совершенно случайное, и, следовательно, нужно полагать, что арийские племена восприняли этот элемент из культур иранского неолита

¹¹ «Кой-Крылган-Қала, памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.», «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. V, М., 1967, стр. 227—229.

¹² Ср.: Е. Л. Огибенин, Структура мифологических текстов Ригведы, М., 1968, стр. 68—76.

¹³ Yasna, XXXVI, 6.

¹⁴ «The Cambridge History of India», vol. I, Cambridge, 1922, p. 126, 127.

¹⁵ A. Langsdorff and D. McCown, Tall-i-Bakun A, Chicago, 1942, Pl. 33, № 11, EWA, vol. VI, p. 115.

¹⁶ Б. А. Рыбаков, Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы (IV—III тыс. до н. э.), М., 1966, стр. 113.

Впрочем, в литературе нередко высказывалась мысль о чрезвычайно раннем присутствии индоевропейцев в пределах Ближнего и Среднего Востока, не говоря уже о теории индоевропейского происхождения господствующей верхушки ассирийцев, чей этноним не объясняется из семитских языков, и тем более касситов, в религиозной лексике которых заметны следы иранской и индийской терминологии¹⁷. Конечно, памятники Тали-Бакуна много старше памятников ассирийской и касситской эпох, однако, на наш взгляд, едва ли будет преувеличением проецировать дописьменную историю этих эпох в глубь веков, предшествующих документально засвидетельствованному появлению ассирийцев и касситов на исторической сцене. Какое-то просачивание отдельных групп индоевропейцев, чей духовный мир стоял на уровне трипольского, на территорию Ирана могло, согласно этим взглядам, восходить и к периоду Тали-Бакуна, если не более раннему. Не исключено, что здесь имел место просто случайный импорт или единичное изделие иноземного мастера.

Что касается зубчатой каемки, то косвенным подтверждением ее огненной символики хотелось бы считать упоминание в Ригведе о зубах бога огня, под которыми подразумевались языки пламени. Конечно, настаивать на таком отождествлении нельзя¹⁸.

Тема огненного обновления мира не исчезала из истории духовной культуры Востока. Это подтверждают изображения Шивы-Натараджи, который исполняет космический танец, знаменующий собой торжество духовного, истинного бытия над демоном иллюзии. Изображение обычно обрамляется подковообразной аркой, усеянной языками пламени. Арка символизирует космос, а огненные языки свидетельствуют о том, что и здесь представлено огненное духовное обновление космоса.

Весьма опосредствованные отзвуки этой темы усматриваются в композиции христианской Пятидесятницы, иначе Сошествия святого духа, в том, разумеется, ее изводе, где есть языки пламени, нисходящие на апостолов. Они наглядно дают понять, на наш взгляд, как мыслилась та сила, что по смыслу композиции и контексту новозаветного повествования должна была обновить и очистить погрязший в грехах мир¹⁹. По существу это то же сошествие огня ради осуществления конечной цели бытия, какое фигурирует в Авесте, откуда, кстати, христианство усвоило понятие святого духа вместе с пластом эсхатологических и мессианских представлений. Иными иконографическими средствами Пятидесятница доносит совершенно ту же идею духовного обновления мира, что имплицирована в космическом танце Шивы-Натараджи и когда-то прозревалась в зареве тагискенских погребальных пожаров.

¹⁷ В. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, стр. 239—283; Л. А. Липин, Из истории социальных отношений в Ассирии, «Палестинский сборник», М., 1958 (66), 3, стр. 43, 44; С. Дикшит, Введение в археологию, М., 1960, стр. 440—453, 480; K. N a g, Discovery of Asia, Calcutta, 1957, p. 112, 153, 160, 164.

¹⁸ С. Дикшит, Указ. раб., стр. 456, прим. 15.

¹⁹ Е. Трубецкой, Умозрение в красках, М., 1916, стр. 32.